

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

■ 2014 (175)

6+

етская

РУССКИЙ МУЗЕУМ:
Русские новогодние
и рождественские открытки

РАССКАЗЫ:
Настоящий мужчина

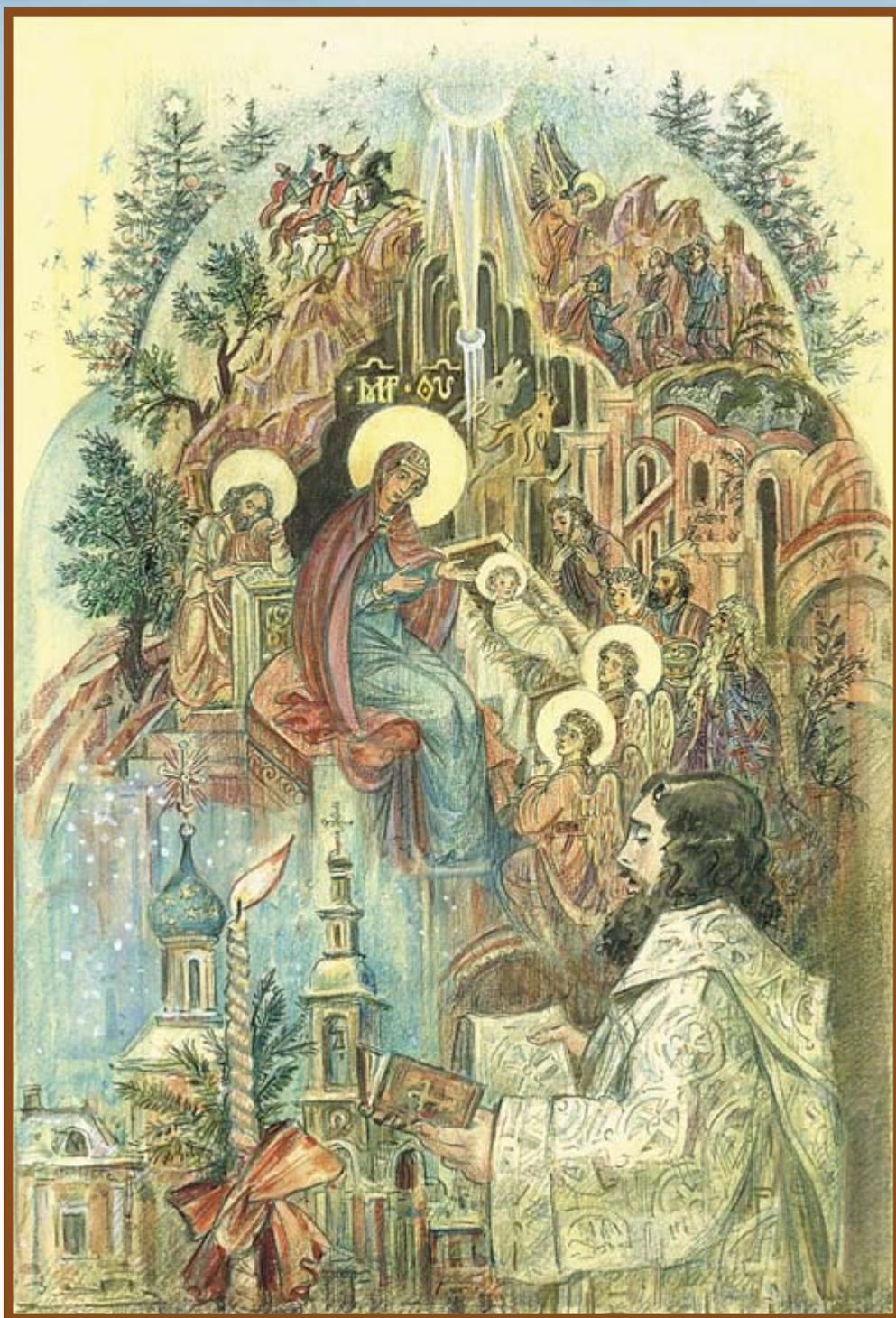
Василий
Никифоров-Волгин

**СЕРЫЯНАЯ
ЖУРНАЛ**

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник Н. Бурдыкина

А. С. Пушкин

Зимнее утро

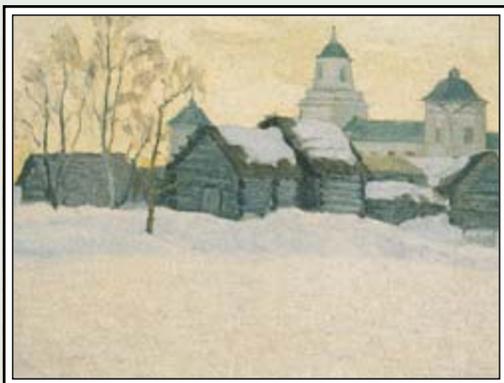
Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

В. Бялыницкий-Бируля
Ранняя весна
1919 г.

В номере:

3

Василий Никифоров-Волгин
Серебряная метель

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

Русские новогодние и рождественские открытки

22

УГОЛОК РОССИИ

Олег Трушин

Веркола

25

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Владимир Волков

Вечная путешественница

26

РАССКАЗЫ

Геннадий Киселёв

Настоящий мужчина

28

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Василий Колбин

Экспедиция к Муни-Тумпу

30

БУХТИНЫ

Виктория Лысенко

Прикольный анекдот

33

РАССКАЗЫ

Павел Гусев

Кабанчик

34

ЖИВОЙ УГОЛОК

Татьяна Михайлова

Умная Тайга

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Корректор
Людмила Овчинникова

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юриисконсульт
Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основен в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»
Филиал «Чеховский
Печатный Двор»
(142300, Московской обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)
Факс: 8 (496) 726-54-10,
Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru

e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 5027

© «Роман-газета», 2014 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Василий Никифоров-Волгин

Серебряная метель

Художник Ю. Иванов

СЕРЕБРЯНАЯ МЕТЕЛЬ

До Рождества без малого месяц, но оно уже обдаёт тебя снежной пылью, прикикает по утрам к морозным стёклам, звенит полозьями по голубым дорогам, поёт в церкви за всеобщей «Христос рождается, славите» и снится по ночам в виде весёлой серебряной метели.

В эти дни ничего не хочется земного, а в особенности школы. Дома заметили мою предпраздничность и строго заявили:

— Если принесёшь из школы плохие отметки, то ёлки и новых сапог тебе не видать!

«Ничего, — подумал я, — посмотрим... Ежели поставят мне, как обещались, три за поведение, то я её на пятёрку исправлю... За арифметику, как пить дать, влепят мне два, но это тоже не беда. У Михал Васильича двойка всегда выходит на манер лебединой шейки, без кружочка, — её тоже на пятёрку исправлю...»

Когда всё это я сообразил, то сказал родителям:

— Баллы у меня будут как первый сорт!

С Гришкой возвращались из школы. Я спросил его:

— Ты слышишь, как пахнет Рождеством?

— Пока нет, но скоро услышу!

— Когда же?

— А вот тогда, когда мамка гуся купит и жарить зачнёт, тогда и услышу!

Гришкин ответ мне не понравился. Я надулся и стал молчаливым.

— Ты чего губы надул? — спросил Гришка.

Я скосил на него сердитые глаза и в сердцах ответил:

— Рази Рождество жареным гусем пахнет, обалдуй?

— А чем же?

На это я ничего не смог ответить, покраснел и ещё пуще рассердился.

Рождество подходило всё ближе да ближе. В лавках и булочных уже показались ёлочные игрушки, пряничные коньки и рыбки с белыми каёмками, золотые и серебряные конфеты, от которых зубы болят, но всё же будешь их есть, потому что они рождественские.

За неделю до Рождества Христова нас отпустили на каникулы.

Перед самым отпуском из школы я молил Бога, чтобы Он не допустил двойки за арифметику и тройки за поведение, дабы не прогневать своих родителей и не лишиться праздника и обещанных новых сапог с красными ушками. Бог услышал мою молитву, и в свидетельстве «об успехах и поведении» за арифметику поставил тройку, а за поведение пять с минусом.

Рождество стояло у окна и рисовало на стёклах морозные цветы, ждало, когда в доме вымоют полы, расстелят половики, затеплят лампы перед иконами и впустят Его...

Наступил сочельник. Он был метельным и белым-белым, как ни в какой другой день. Наше крыльцо занесло снегом, и, разгребая его, я подумал: необыкновенный снег... как бы святой! Ветер, шумящий в берёзах, — тоже необыкновенный! Бубенцы извозчиков не те, и люди в снежных хлопьях не те... По сугробной дороге мальчишка в валенках вёз на санках ёлку и как чудной чему-то улыбался.

Я долго стоял под метелью и прислушивался, как по душе ходило весёлым ветром самое распрекрасное и душистое на свете слово — «Рождество». Оно пахло вьюгой и колючими хвойными лапками.

Не зная, куда девать себя от белизны и необычности сегодняшнего дня, я забежал в собор и послушал, как посредине церкви читали пророчества о рождении Христа в Вифлееме; прошёлся по базару, где торговали ёлками, подставил ногу проходящему мальчишке, и оба упали в сугроб; ударил кулаком по залубневшему тулупу мужика, за что тот обозвал меня «шуддыбулды»; перебрался через забор в городской сад (хотя ворота и были открыты). В саду никого, — одна заметель да свист в деревьях. Неведомо отчего бросился с разлёту в глубокий сугроб и губами прильнул к снегу. Умаявшись от беготни по метели, сизый и оледеневший, пришел домой и увидел под иконами маленькую ёлку... Сел с нею рядом и стал петь сперва бормотой, а потом всё громче да громче: «Дева днесь пресущественного рождает», и вместо «волсви со звездою путешествуют» пропел: «Волки со звездою путешествуют».

Отец, послушав моё пение, сказал:

— Но не дурак ли ты? Где это видано, чтобы волки со звездою путешествовали?

Мать палила для студня телячьей ноги. Мне очень хотелось есть, но до звезды нельзя. Отец, окончив работу, стал читать вслух Евангелие. Я прислушивался к его протяжному чтению и думал о Христе, лежащем в яслях:

— Наверное, шёл тогда снег и маленькому Иисусу было дюже холодно!

И мне до того стало жалко Его, что я заплакал.

— Ты что заканючил? — спросили меня с беспокойством.

— Ничего. Пальцы я отморозил.

— И поделом тебе, неслуху! Поменьше бы олетывал в такую зябь!

И вот наступил, наконец, рождественский вечер. Перекрестясь на иконы, во всём новом, мы пошли ко всенощной в церковь Спаса-Преображения. Метель утихла, и много звёзд выбежало на небо. Среди них я долго искал рождественскую звезду и, к великой своей обрадованности, нашёл её. Она сияла ярче всех и отливала голубыми огнями.

Вот мы и в церкви. Под ногами ельник, и кругом, куда ни взглянешь, — отовсюду идёт сияние. Даже толстопузый староста, которого все называют «жилой», и тот сияет, как святой угодник. На клиросе торговец Силантий читал «великое повечерие». Голос у Силантия сиплый и пришепётывающий, — в другое время все на него роптали за гугнивое чтение, но сегодня, по случаю великого праздника, слушали его со вниманием и даже крестились. В густой толпе я увидел Гришку. Протискался к нему и шепнул на ухо:

— Я видел на небе рождественскую звезду... Большая и голубая!

Гришка покосился на меня и пробурчал:

— Звезда эта обыкновенная! Вега называется. Её завсегда видать можно!

Я рассердился на Гришку и толкнул его в бок. Какой-то дяденька дал мне за озорство щелчка по затылку, а Гришка прошипел:

— После службы и от меня получишь!

Читал Силантий долго-долго... Вдруг он сделал маленькую передышку и строго оглянулся по сторонам. Все почувствовали, что сейчас произойдёт нечто особенное и важное. Тишина в церкви стала ещё тише. Силантий повысил голос и раздельно, громко, с неожиданной для него прояснённой, воскликнул:

— С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!

Рассыпанные слова его светло и громогласно подхватил хор:

— С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!

Батюшка в белой ризе открыл Царские врата, и в алтаре было белым-бело от серебряной парчи на престоле и жертвеннике.

— Услышите до последних земли, яко с нами Бог, — гремел хор всеми лучшими в городе голосами. — Могуции покоряйтесь, яко с нами Бог... Живущий во стране и сени смертней свет возсияет на Вы, яко с нами Бог. Яко отроча родися нам, Сын, и дадеса нам — яко с нами Бог... И мира Его нет предела, — яко с нами Бог!

Когда пропели эту высокую песню, то закрыли Царские врата, и Силантий опять стал читать. Читал он теперь бодро и ясно, словно песня, только что отзвучавшая, посеребрила его тусклый голос.

После возгласа, сделанного священником, тонко-тонко зазвенел на клиросе камертон, и хор улыбающимися голосами запел «Рождество Твоё, Христе Боже наш».

После рождественской службы дома зазорили (по выражению матери) ёлку от лампадного огня. Ёлка наша была украшена конфетами, яблоками и розовыми баранками. В гости ко мне пришёл однолесток мой еврейчик Урка. Он вежливо поздравил нас с праздником, долго смотрел ветхозаветными глазами своими на зазоренную ёлку и сказал слова, которые всем нам понравились:

— Христос был хороший человек!

Сели мы с Уркой под ёлку, на полосатый половик, и по молитвеннику, водя пальцем по строкам, стали с ним петь «Рождество Твоё, Христе Боже наш».

В этот усветленный вечер мне опять снилась серебряная метель, и как будто бы сквозь вздымы её шли волки на задних лапах и у каждого из них было по звезде, все они пели «Рождество Твоё, Христе Боже наш».

КРЕЩЕНИЕ

В Крещенский сочельник я подрался с Гришкой. Со слов дедушки я стал рассказывать ему, что сегодня в полночь сойдёт с неба ангел и освятит на реке воду, и она запоёт: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи». Гришка не поверил и обозвал меня «баснописцем». Этого прозвища я не вытерпел и толкнул Гришку в сугроб, а он дал мне по затылку и обсыпал снегом. В слезах пришёл домой. Меня спросили:

— О чем кувыкаешь?

— Гри-и-шка не верит, что вода петъ бу-у-дет сегодня ночью!

Из моих слов ничего не поняли.

— Нагрешник ты, нагрешник, — сказали с упреком, — даже в Христов сочельник не обойтись тебе без драки!

— Да я же ведь за дело Божье вступился, — оправдывался я.

Сегодня великое освящение воды. Мы собирались в церковь. Мать сняла с божницы сосудец с остатками прошлогодней святой воды и вылила её в печь, в пепел, ибо грех выливать её на места попираемые. Отец спросил меня:

— Знаешь, как прозывается по-древнему богоявленская вода? Святая агиасма!

Я повторил это, как бы огнём вспыхнувшее слово, и мне почему-то представился недавний ночной пожар за рекой и зарево над снежным городом. Почему слово «агиасма» слилось с этим пожаром, объяснить себе не мог. Не оттого ли, что страшное оно?

На голубую от крещенского мороза землю падал большими хлопьями снег. Мать сказала:

— Вот ежели и завтра Господь пошлёт снег, то будет урожайный год.

В церковь пришли все заметеленными и румяными от мороза. От замороженных окон стоял особенный снежный свет — точно такой же, как между льдинами, которые недавно привезли с реки на наш двор.

Посредине церкви стоял большой ушат воды и рядом парчовый столик, на котором поставлена водосвятная серебряная чаша с тремя белыми свечами по краям. На клиросе читали «пророчества». Слова их журчали, как многоводные родники в лесу, а в тех местах, где пророки обращаются к людям, звучала набатная медь: «Измойтесь и очиститесь, оставьте лукавство пред Господом: жаждущие, идите к воде живой»...

Читали тринадцать паремий. И во всех их струилось и гремело слово «вода». Мне представлялись ветхозаветные пророки в широких одеждах, осенённые молниями, одиноко стоящие среди камней и высоких гор, а над ними янтарное библейское небо, и ветер, развевающий их седые волосы...

При пении «Глас Господень на водах» вышли из алтаря к народу священник и диакон. На водосвятной чаше зажгли три свечи.

— Вот и в церкви поют, что на водах голос Божий раздаётся, а Гришка не верит... Плохо ему будет на том свете!

Я искал глазами Гришку, чтобы сказать ему про это, но его не было видно.

Священник читал молитву «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя... Тебе поёт солнце. Тебе славит луна, Тебе присутствуют звёзды... Тебе слушает свет...»

После молитвы священник трижды погрузил золотой крест в воду, и в это время запели снегом и ветром дышащий богоявленский тропарь «Во Иордани крещающуся Тебе Господи, тройческое явися поклонение», и всех окропляли освященной водою.

От ледяных капель, упавших на моё лицо, мне казалось, что теперь наступит большое ненарадованное счастье, и всё будет по-хорошему, как в день Ангела, когда отец «осеребрит» тебя гривенником, а мать пятакком и пря-

ником в придачу. Литургия закончилась посреди храма перед возжѣнным светильником, и священник сказал народу:

— Свет этот знаменует Спасителя, явившегося в мир просветить всю поднебесную!

Подходили к ушату за святой водой. Вода звенела, и вспоминалась весна.

Так же как и на Рождество, в доме держали «дозвѣздный пост». Дождавшись наступления вечера, сели мы за трапезу — навечерницу. Печѣную картошку ели с солью, кислую капусту, в которой попадались морозинки (стояла в холодном подполе), пахнущие укропом огурцы и сладкую, медом заправленную кашу. Во время ужина начался зазвон к Иорданскому всенощному бдению. Началось оно по-рождественскому — великим повечерием. Пели песню: «Всяческая днесь да возрадуется Христу явльшуся во Иордан» и читали Евангелие о сошествии на землю Духа Божьего.

После всенощной делали углем начертание креста на дверях, притолоках, оконных рамах — в знак ограждения дома от козней дьявольских. Мать сказывала, что в этот вечер собирают в деревне снег с полей и бросают в колодец, чтобы сделать его сладимым и многоводным, а девушки «величают звѣзды». Выходят они из избы на двор. Самая старшая из них несѣт пирог, якобы в дар звѣздам, и скороговоркой, нараспев выговаривают:

— Ай, звёзды, звёзды, звёздочки! Все вы звёзды одной матушки, бело-румяны и дородливы. Засылайте сватей по миру крещеному, сряжайте свадебку для мира крещёного, для пира гостиного, для красной девицы родимой.

Слушал и думал: хорошо бы сейчас побежать по снегу к реке и послушать, как запоёт полнощная вода...

Мать «творит» тесто для пирога, влив в него ложечку святой воды, а отец читает Библию. За окном ветер гудит в берёзах и ходит крещенский мороз, похрустывая валенками. Завтра на отрывном «численнике» покажется красная цифра 6, и под ней будет написано звучащее крещенской морозной водою слово: «Богоявление». Завтра пойдём на Иордань!

КАНУНЫ ВЕЛИКОГО ПОСТЯ

Вся в метели прошла преподобная Евфимия Великая — государыня Масленица будет метельной! Прошёл апостол Тимофей полузимник; за ним три вселенских святителя; Св. Никита епископ новгородский — избавитель от пожара и всякого запаления; догорели восковые свечи Сретения Господня — были лютые сретенские морозы; прошли Симеон Богоприимец и Анна Пророчица.

Снег продолжает заметать окна до самого наверхия, морозы стоят словно медные, по ночам метель воет, но на душе любо — прошла половина зимы. Дни светлеют! Во сне уж видишь траву и берёзовые серёжки. Сердце похоже на птицу, готовую к полёту.

В лютый мороз я объявил Гришке:

— Весна наступает!

А он мне ответил:

— Дать бы тебе по затылку за такие слова! Кака тут весна, ежели птица на лету мёрзнет!

— Это последние морозы, — уверял я, дую на окоченевшие пальцы, — уже ветер веселее дует, да и лёд на реке по ночам воет... Это к весне!

Гришка не хочет верить, но по глазам вижу, что ему тоже любо от весенних слов.

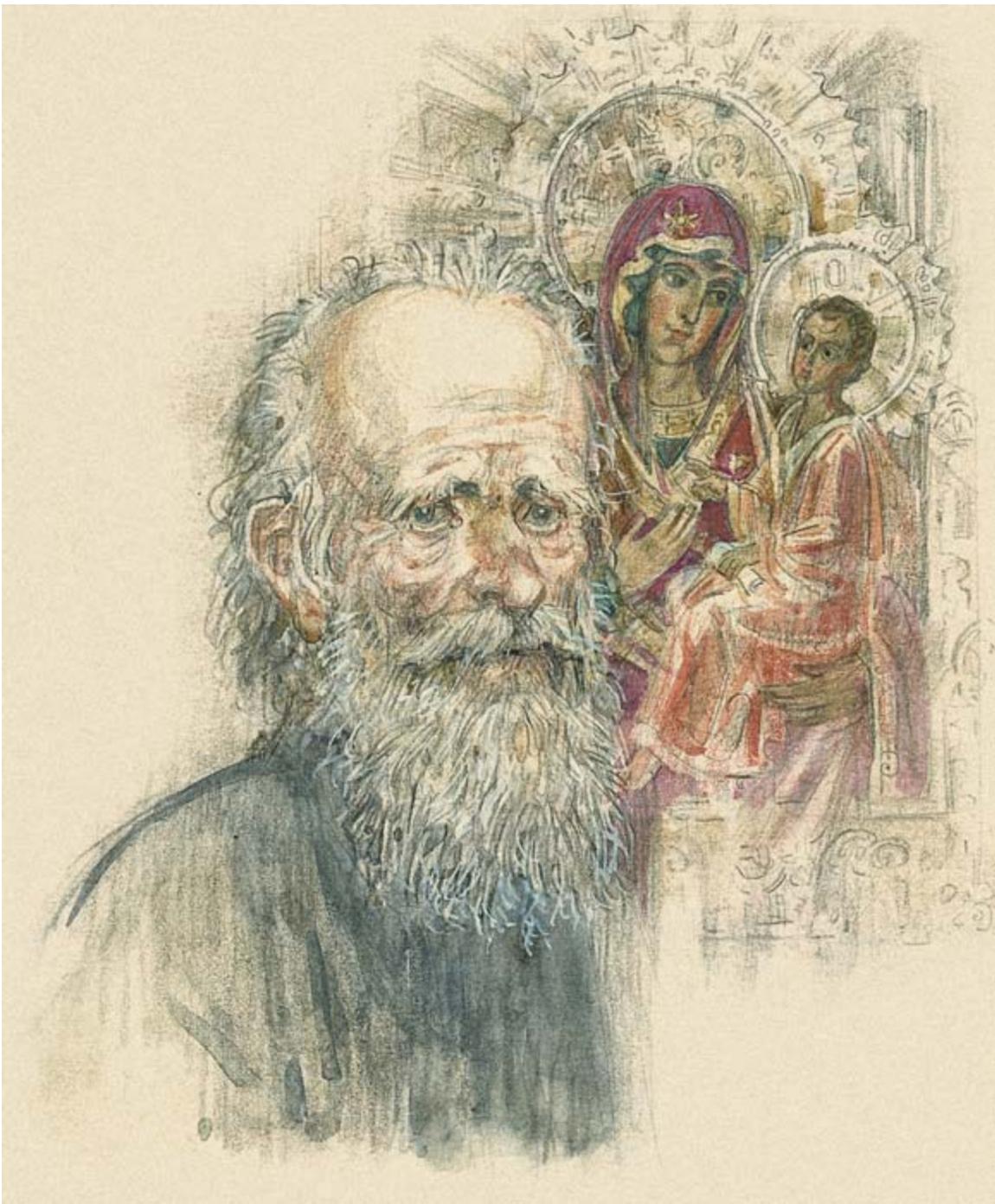
Нищий Яков Гриб пил у нас чай. Подув на блюдечко, он сказал поникшим голосом:

— Бежит время... бежит... Завтра наступает Неделя о Мытаре и Фарисее. Готовьтесь к Великому посту — редька и хрен да книга Ефрем.

Все вздохнули, а я обрадовался. Великий пост — это весна, ручьи, петушиные вскрики, жёлтое солнце на белых церквах и ледоход на реке. За все-нощной, после выноса Евангелия на середину церкви, впервые запели покайнную молитву:

*Покаяния отверзи ми двери.
Жизнодавче,
Утреннеет бо дух мой ко храму
Святому Твоему.*

С Мытаревои недели в доме начиналась подготовка к Великому посту. Перед иконами затопляли лампаду, и она уже становилась неугасимой. По средам и пятницам ничего не ели мясного. Перед обедом и ужином молились «в землю». Мать становилась строже и как бы уходящей от земли. До

прихода Великого поста я спешил взять от зимы все её благодатности, катался на санях, валялся в сугробах, сбивал палкой ледяные сосульки, становился на запятки извозчичьих санок, сосал льдинки, спускался в овраги и слушал снег.

Наступила другая седмица. Она называлась по-церковному — Неделя о Блудном сыне. За всюнощной пели ещё более горькую песню, чем «Покаяние», — «На реках Вавилонских».

В воскресенье пришел к нам погреться Яков Гриб. Присев к печке, он запел старинный стих «Плач Адама»:

*Раю мой раю,
Пресветлый мой раю,
Ради мене сотворённый,
Ради Евы затворённый.*

Стих этот заставил отца разговориться. Он стал вспоминать большие русские дороги, по которым ходили старцы-слепцы с поводырями. Прозывались они Божьими певунами. На посохе у них изображались голубь, шестиконечный крест, а у иных змея. Остановятся, бывало, перед окнами избы и запоют о смертном часе, о последней трубе Архангела, об Иосафе-царевиче, о вселении в пустыню. Мать свою бабушку вспомнила:

— Мастерца была петь духовные стихи! До того было усладно, что, слушая ее, душа лечилась от греха и помрачения!..

— Когда-то и я на ярмарках пел! — отозвался Яков, — пока голоса своего не пропил. Дело это выгодное и утешительное. Народ-то русский за благоглаголивость слов крестильный крест с себя сымет! Всё дело забудет. Опустит, бывало, голову и слушает, а слёзы-то по лицу так и катятся!.. Да, без Бога мы не можем, будь ты хоть самый что ни на есть чистокровный жулик и арестант!

— Теперь не те времена, — вздохнула мать, — старинный стих повыветрился! Всё больше фабричное да граммофонное поют!

— Так-то оно так, — возразил Яков, — это верно, что старину редко поют, но попробуй запой вот теперь твоя бабушка про Алексея — Божия человека или там про Антихриста, так расплачутся разбойники и востоскуют! Потому что это... русскую в этом стихе услышат... Прадеды да деды перед глазами встанут... Вся история из гробов восстанет!.. Да... От крови да от земли своей не убежишь. Она своё возьмёт... кровь-то!

Вечером увидел я нежный бирюзовый лоскуток неба, и он показался мне знамением весны — она всегда, ранняя весна-то, бирюзовой бывает! Я сказал про это Гришке, и он опять выругался:

— Дам я тебе по затылку, курносая пятница! Надоел ты мне со своей весной хуже горькой редьки!

Наступила Неделя о Страшном суде. Накануне поминали в церкви усопших сродников. Дома готовили кутью из зёрен — в знак веры в воскресение из мертвых. В этот день церковь поминала всех «от Адама до днесь усопших в благочестии и вере» и особенное моление воссылала за тех, «коих вода покрыла, от брани, пожара и землетрясения погибших, убийцами убитых, молнией попалённых, зверьми и гадами умерщвлённых, от мороза замёрзших...». И за тех «яже уби меч, конь совосхити, яже удави камень, или перст посыпа; яже убиша чаровныя напоения, отравы, удавления...».

В воскресенье читали за литургией Евангелие о Страшном суде. Дни были страшными, похожими на ночные молнии или отдалённые раскаты грома.

Во мне боролись два чувства: страх перед грозным судом Божьим, и радость от близкого наступления Масленицы. Последнее чувство было так сильно и буйно, что я перекрестился и сказал:

— Прости, Господи, великие мои согрешения!

Масленица пришла в лёгкой метелице. На телеграфных столбах висели длинные багровые афиши. Почти целый час мы читали с Гришкой мудрёные, но завлекательные слова:

«Кинематограф “Люмьер”». Живые движущиеся фотографии и, кроме того, блистательное представление малобариста геркулесного жонглёра-эквилибриста «Бруно фон Солерно», престиджитатора Мюльберга и магики спиритическ. вечер престиджитатора, эффектиста, фантастического мастера эскамотажа, прозванного королём ловкости Мартина Лемберга».

От людей пахло блинами. Богатые пекли блины с понедельника, а бедные — с четверга. Мать пекла блины с молитвою. Первый испечённый блин она положила на слуховое окно в память умерших родителей. Мать много рассказывала о деревенской Масленице, и я очень жалел, почему родителям вздумалось перебраться в город. Там всё было по-другому. В деревне Масленичный понедельник назывался — встреча; вторник — заигрыши; среда — лакомка; четверг — перелом; пятница — тёщины вечерки; суббота — золовкины посиделки; воскресенье — проводы и Прощёный день. Масленицу называли также Боярыней, Царицей, Осударыней, Матушкой, Гулёной, Красавой. Пели песни, вытканые из звёзд, солнечных лучей, месяца-золотые рожки, из снега, из ржаных колосков.

В эти дни все веселились, и только одна церковь скорбела в своих вечерних молитвах. Священник читал уже великопостную молитву Ефрема Сирина «Господи и Владыке живота моего». Наступило Прощёное воскресенье. Днём ходили на кладбище прощаться с усопшими сродниками. В церкви, после вечерни, священник поклонился всему народу в ноги и попросил прощения. Перед отходом ко сну земно кланялись друг другу, обнимались и говорили: «Простите, Христа ради», и на это отвечали: «Бог простит». В этот день в деревне зорнили пряжу, т. е. выставляли моток пряжи на утреннюю зарю, чтобы вся пряжа была чиста.

Снился мне грядущий Великий пост почему-то в образе преподобного Сергия Радонежского, идущего по снегу и опирающегося на чёрный игуменский посох.

«Торжество Православия»

Отец загадал мне мудрёную загадку: «Стоит мост на семь вёрст. У конца моста стоит яблоня, она пустила цвет на весь Божий Свет».

Слова мне понравились, а разгадать не мог. Оказалось, что это семинедельный Великий пост и Пасха.

Первая неделя поста шла к исходу. В субботу церковь вспоминала чудо великомученика Феодора Тирона. В этот день в церкви давали медовый рис с изюмом. Он так мне понравился, что я вместо одной ложечки съел пять, и дьякон, державший блюдо, сказал мне:

— Не многовато ли будет?

Я поперхнулся от смущения и закашлялся. В эти богоспасённые дни (так ещё называли пост) я часто подходил к численнику и считал листики: много ли дней осталось до Пасхи?

Перелистал их лишь до Великой субботы, а дальше уж не заглядывал — не грешно ли смотреть на Пасху раньше срока?

Отец, сидя за верстаком, пел великопостные слова:

*Возсия, благодать Твоя Господи,
возсия просвещение душ наших;
отложим дела тьмы, и облечёмся
во оружие света:
яко да преплывше поста великую пучину.*

Всё чаще и чаще заставляли меня читать по вечерам «Сокровище духовное от мира собираемое» св. Тихона Задонского. Я выучил наизусть вступительные слова к этой книге и любовался ими как бисерным кошелёчком, вышитым в женском монастыре и подаренным мне матерью в день Ангела: «Как купец от различных стран собирает различные товары, и в дом свой привозит, и сокрывает их: так христианину можно от мира сего собирать душеполезные мысли, и слагать их в клетки сердца своего, и теми душу свою созидать».

Многое что не понимал в этой книге. Нравились мне лишь заглавия некоторых поучений. Я заметил, что и матери эти заглавия были любы. Прочтёшь, например: «Мир», «Солнце», «Сеятва и жатва», «Свеща горящая», «Вода мимотекущая», а мать уж и вздыхает: «Хорошо-то как, Господи!» Отец возразит ей: «Подожди вздыхать... Это же “зачин”». А она ответит: «Мне и от этих слов тепло!» Читаешь творение долго. Закроешь книгу и по старинному обычаю поцелуешь её. Много прочитано разных наставлений святителя, а мать твердит только одни, ей полюбившиеся, заглавные слова: «Свеща горящая... Вода мимотекущая...»

Наш город ожидал два больших события: приезда архиерея со знаменитым протодьяконом и чин провозглашения анафемы отступникам веры.

Про анафему мне рассказывали, что в старое время она провозглашалась Гришке Отрепьеву, Стеньке Разину, Пугачёву, Мазепе, и в этот день старухи-невразумихи поздравляли друг дружку по выходе из церкви: «С проклятыцем, матушка». При слове «анафема» мне почему-то представлялись большие гулкие камни, падающие с высоких гор в дымную бездну.

День этот был мглистым, надутым снегом и ветром, готовый рассыпаться тяжкой свинцовой вьюгой. Хотя и объяснял мне Яков, что анафему не надо понимать как проклятие, я всё же стоял в церкви со страхом.

Из алтаря вышло духовенство для встречи епископа. Я насчитал двенадцать священников и четырёх дьяконов.

Шествие замыкал высокий, дородный протодьякон с широким медным лбом, с рыжими кудрями по самые плечи. Он плыл по собору как большая туча по небу, вьюжно шумя синим своим стихарём, опоясанным серебряным двойным орарем. Крепкая медная рука с литыми длинными пальцами держала кадило.

Про этого протодьякона ходила молва, что был он когда-то бурлаком на Волге, и однажды, тняя бичеву, запел песню на всё волжское поволие. Услыхал эту песню проезжавший мимо московский митрополит. Диву он дался, услышав голос такой редкостной силы. Владыка повелел позвать к себе певца. С этого и началось. Бурлак стал протодьяконом.

На колокольне затрезвонили «во вся тяжкая» колокола. К собору подкатила карета, из которой вышел сановитый монах в собольей шубе, опираясь на чёрный высокий посох. Лицо монаха властное, смурое, как у древних ассирийских царей, которых я видел в книжке.

В это время загрохотал как бы великий гром. Все перекрестились и восколебались, со страхом взглянув на медного протодьякона. Он начал возглашать:

— Достоинно есть, яко воистину...

К его возгласу присоединился хор, запев волнообразное архиерейское «входное», поверх которого шли тяжёлые волны протодьяконского голоса:

— И славнейшую без сравнения серафим...

Два иподьякона облачали епископа в лиловую мантию. Она звенела тонкими ручьистыми бубенчиками.

Это была первая торжественная служба, которую я видел, и мне было радостно, что наше православие такое могучее и просторное. Недаром сегодняшний день назывался по-церковному «Торжеством Православия».

Епископа облачали в редкостные ризы, посредине церкви, на бархатном красном возвышении, и в это время пели запомнившиеся мне слова: «Да возрадуется душа твоя, Господи!..» Всё это было мне в диковинку, и Гришка несколько раз говорил мне:

— Закрой рот! Стоишь как ворона!

— А у тебя сопля текёт! — разъярился я на Гришку, толкнув его локтем.

— Чего это вы тут озоруете? — зашипел на нас красноносый купец Саморядов. — Анафемы захотели?

Но купец Саморядов сам не выдержал тишины, когда протодьякон грянул во всю свою волговую силу:

— Тако да просветится свет твой пред человеки!..

Купец скрючился, ахнул и восторженно вскрикнул:

— Вот дак... голосище!.. Чтоб... его...

Он хотел прибавить что-то неладное, но испугался; закрыл ладонью рот и стал часто креститься. На купца взглянули и улыбнулись.

Меня затеснили и загородили свет. Я пытался протискаться вперёд, но меня не пускали и даже бранили:

— И что это за шкет такой беспокойный!

— Пустите сорванца вперёд, а то все мозоли нам отдавит!

Меня выпихнули к самому амвону, где стояли почётные богомольцы. На меня покосились, но я никакого внимания на них не обратил и встал рядом с генералом.

Я смотрел на «золотое шествие» духовенства из алтаря на середину церкви при пении «Блажени нищие духом», на выход епископа со свечами, провозгласившего над народом моление «Призри с небеси Боже» и осенившего всех нас огнём, — а в это время три отрока в стихарях пели: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бесмертный, помилуй нас», — на всенародное умовение рук епископа перед Великим выходом при пении: «Иже херувимы тайно образующе», и всё это при синайских громах протодьяконовского возношения.

Мне не стоялось спокойно, я вертелся по сторонам и весь как бы горел от восхищения.

Генерал положил мне руку на голову и вежливо сказал:

— Успокойся, милый, успокойся!

Начался чин анафемствования. На середину церкви вынесли большие темные иконы Спасителя и Божией Матери. Епископ прочитал Евангелие о заблудшей овце, и провозглашали ектению о возвращении всех отпавших в объятия Отца Небесного.

В окна собора била вьюга. Все люди стояли потемневшими, с опущенными головами, похожими на землю в ожидании бури.

После молитвы о просвещении святом всех помрачённых и отчаявшихся на особую деревянную восходницу поднялся протодьякон и положил тяжёлые металлические руки на высокий чёрный аналой. Он молча и грозно оглядел всех предстоящих, высоко поднял златовласую голову, перекрестился широким взмахом и всею силою своего широкого голоса запел прокимен:

— Кто Бог великий яко Бог наш, Ты еси Бог наш творяй чудеса!

Русские новогодние и рождественские открытки

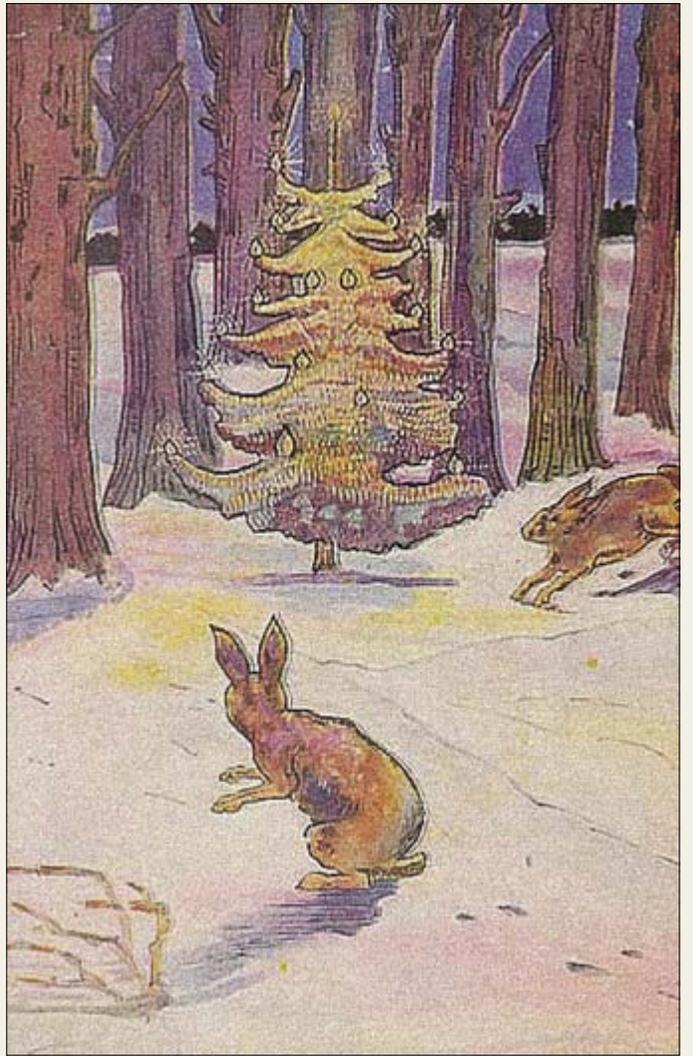

В России первые открытые письма увидели свет в 1871 году. На протяжении двух десятилетий их выпуск оставался государственной монополией, но с 1894 года право на эту деятельность получили частные лица. Вскоре многочисленные издательства, от столичных до провинциальных, начали выпускать открытки. На них воспроизводили виды городов и знаменитые картины, их использовали с благотворительными и рекламными целями, для изготовления открыток применяли хромолитографию и фотографию, иногда их украшали сухими цветами, позолотой и блёстками. Оригинальные рисунки для воспроизведения на открытках выполняли известные русские художники, среди которых

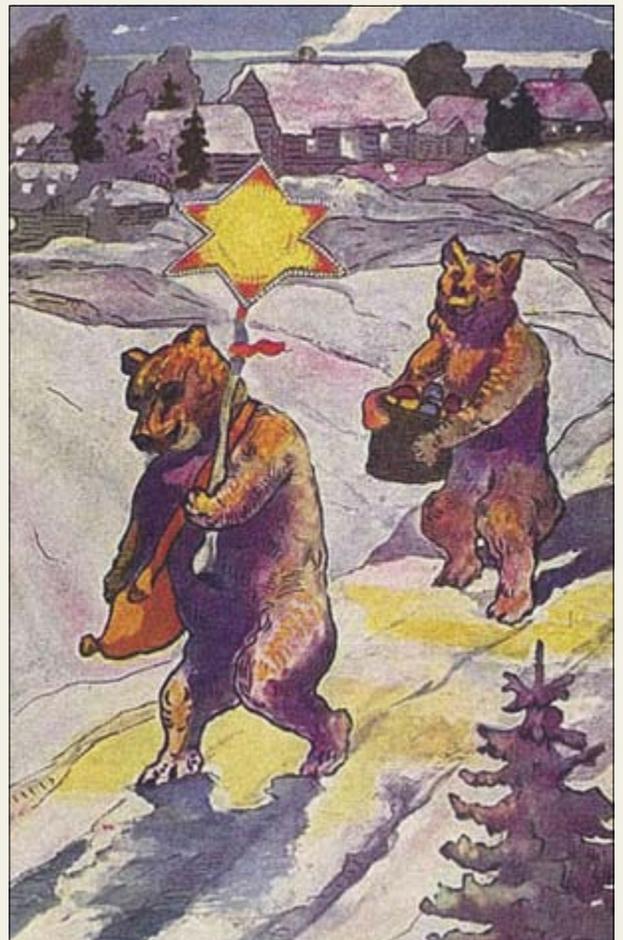
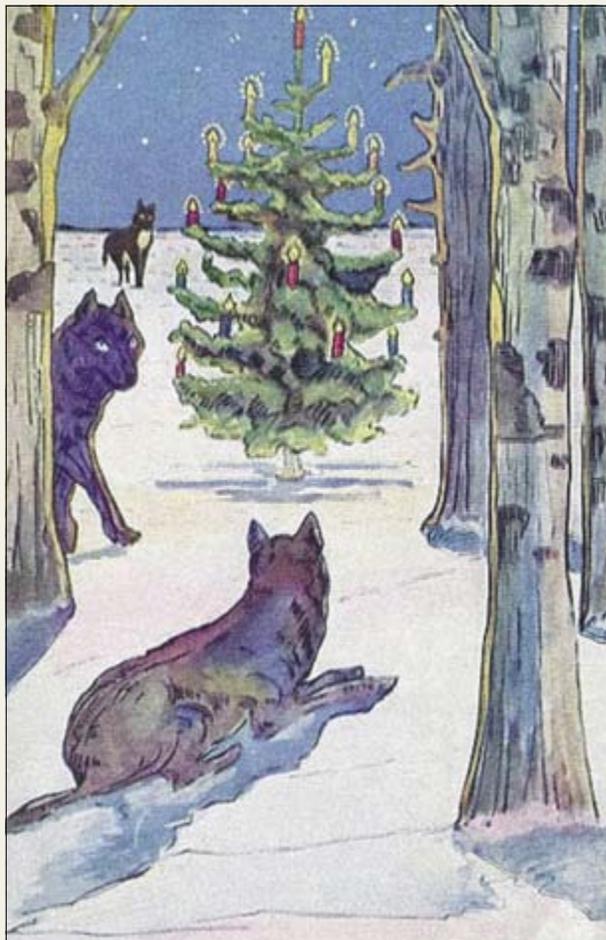
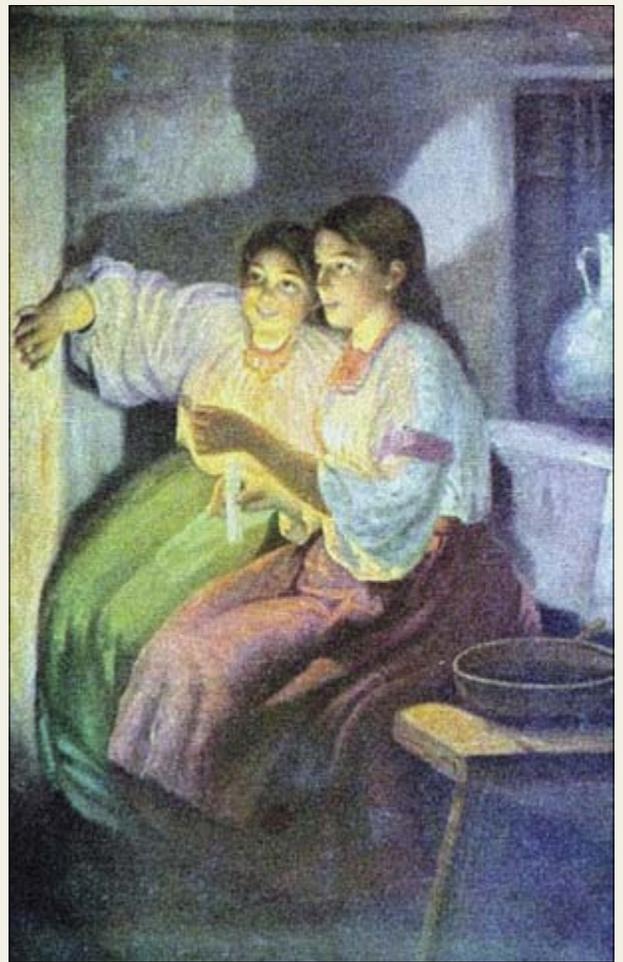
были Елизавета Бем, Александр Бенуа, Иван Билибин, Илья Грабарь, Борис Зворыкин, Михаил Добужинский, Илья Репин.

Удобный и недорогой вид почтовой корреспонденции быстро завоевал широкую популярность. Неудивительно, что большим спросом пользовались поздравительные открытки, в том числе новогодние и рождественские. Сохранившиеся до сегодняшних дней, они доносят до нас неповторимое ощущение праздника, по-детски наивное ожидание подарка и предчувствие волшебства...

Использованы материалы Российской национальной библиотеки

Как бы объятый огнём и бурей, протодьякон бросал с высоты восходницы огненосное, страшное слово: ана-фе-мма!

И опять мне представилась гора, с которой падали тяжёлые чёрные камни в дымную бездну.

Все отлучаемые ют Церкви были этими падающими камнями. Вслед им, с высоты горы, Церковь пела трижды великоскорбное и как бы рыдающее:

— Анафема, анафема, анафема! Церковь жалела отлучаемых. В этот мглистый вьюжный день вся земля, казалось, звучала протодьяконской медью: Отрицающим бытие Божие — анафема!

— Дерзающим глаголати яко Сын Божий не единосущен Отцу и не бысть Бог — анафема!

— Не приемлющие благодати искупления — анафема!

— Отрицающие Суд Божий и воздаяние грешников — анафема!..

В этот день мать плакала:

— Жалко их... Господи!..

Василий Акимович НИКИФОРОВ-ВОЛГИН (настоящая фамилия — Никифоров) (1900—1941) родился в Тверской губернии в семье мастера-вогю. Вскоре после рождения Василия семья переехала в Нарву. Не имея средств для окончания гимназии, Никифоров-Волгин в детстве и юности много занимался самообразованием, хорошо узнал русскую литературу. Его любимыми писателями были Ф. Достоевский, Н. Лесков, А. Чехов. С. Есенин.

В 1920 году Никифоров-Волгин стал одним из организаторов «Союза

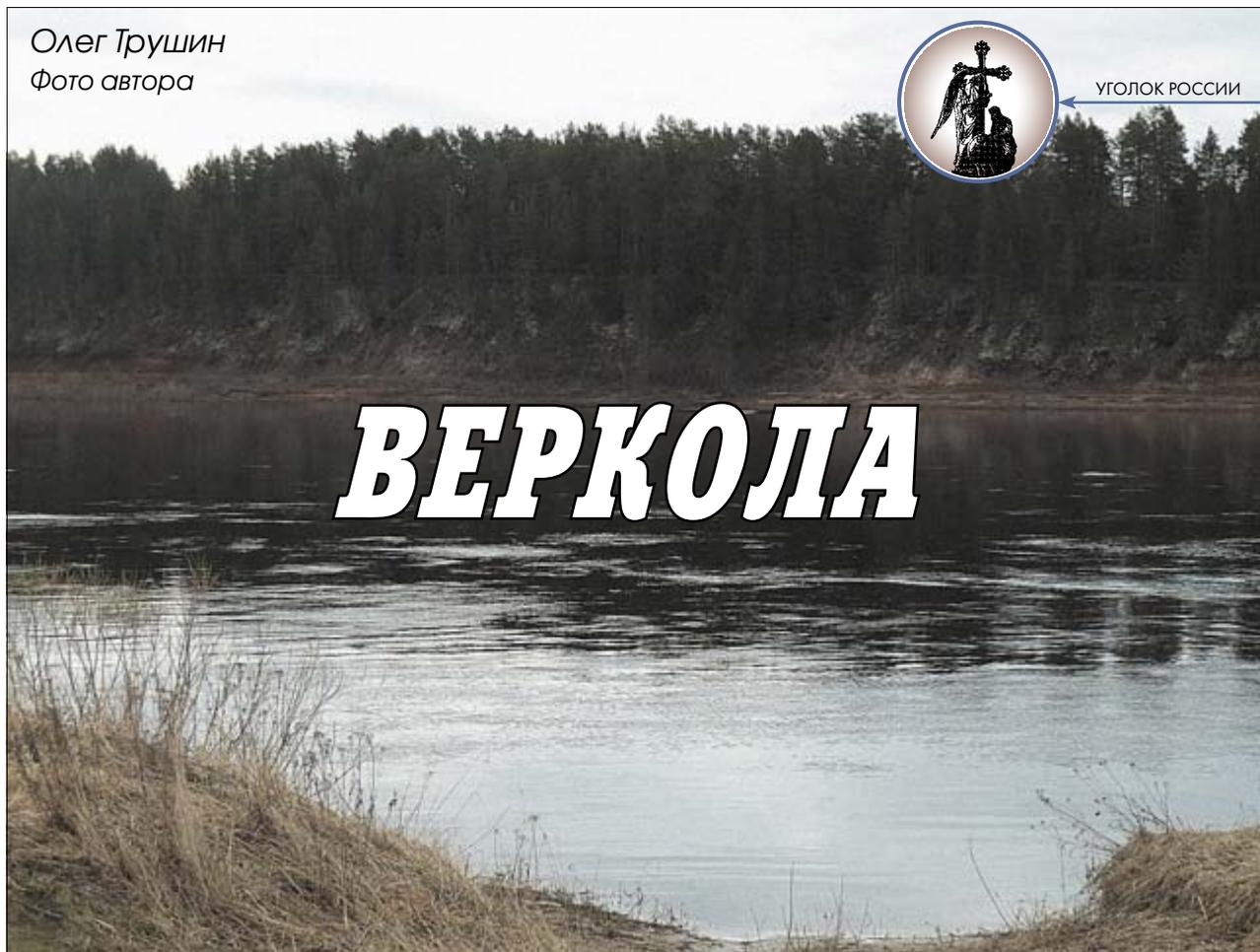
русской молодёжи» в Нарве, устраивавшим литературные вечера и концерты. С 1923 начинается регулярная литературная и журналистская деятельность Никифорова-Волгина. В русских периодических изданиях, выходивших в Эстонии, он публикует рассказы, статьи, очерки, этюды, лирические миниатюры, которые подписывает псевдонимом Василий Волгин.

Одновременно Никифоров-Волгин, хорошо знавший и любивший православное богослужение, служит псаломщиком в нарвском Спасо-Преображенском соборе.

В 1927 на конкурсе молодых авторов в Таллине получает первую премию за рассказ «Земной поклон». В 1927 становится одним из учредителей русского спортивно-просветительного общества «Святогор», при котором в 1929 создается религиозно-философский кружок, положивший начало местной организации Русского студенческого христианского движения. Никифоров-Волгин участвовал в съездах этого движе-

ния, проходивших в Псково-Печерском и Пюхтицком монастырях. К середине 30-х Никифоров-Волгин становится известным писателем русского Зарубежья. Накануне 1936 переезжает в Таллин, где избирается почётным членом Русского общества «Витязь»; печатается в крупном органе российской эмиграции — рижской газете «Сегодня». В таллинском издательстве «Русская книга» вышли два сборника Никифорова-Волгина — «Земля именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938).

Летом 1940 в Эстонии была установлена советская власть, положившая конец культурной и литературной жизни русской эмиграции. В мае 1941 Никифоров-Волгин, работавший на судостроительном заводе, был арестован органами НКВД, а с началом войны отправлен по этапу в Киров (Вятка), где расстрелян 14 декабря 1941 «за издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания». Реабилитирован в 1991 году.

ВЕРКОЛА

От главной карпогорской трассы до Верколы чуть более трёх вёрст, а от самого города Архангельска более пятисот. Бескрайний лес, потаённые лесные речушки, словно выскочившие навстречу путнику во всей своей неброской красе, верховые болота с десятком другим заглубевших от сырости сосен молчаливо взирают своей призрачностью бытия.

Веркола — родина русского писателя Фёдора Александровича Абрамова. Что сразу видишь, на что обращаешь внимание как только оказываешься здесь? Дома пятистенки, а то и шести, выстроенные на северный манер, высокие, кряжистые, со двором во весь размах, да так, чтобы всё было под одной крышей. Широкая просёлочная дорога, плавно взбирающаяся на угор, увлекающая за собой домишки на самый крутояр, да так, что домишки эти, взобравшись на самую высь, словно отрываются от главной улицы и смотрят на неё свысока. Неяркая краса выцветавшего со временем бревна, потрескавшегося снаружи, но ещё крепкого, как кремень, внутри. Постучишь кулаком по такому бревну, а оно гулким стоном отдаёт — знать, ещё постоит не один десяток годков.

Дома веркольские «на полшага» друг за дружкой стоят, так чтобы улицу не заслонять своей богатырской громоздкостью.

В Верколе дома по-особому слажены. Глядишь на такой дом, а он словно исподлобья на тебя смотрит. Нахлобучился скатом крыши, хоронит взгляд в малых окнах, горд и суров, как сама северная земля, как студёная река Пинега. А переступишь порог такой избы, то непременно ощутишь добрый уют домашнего очага. Шагнёшь через порог — поклоняешься: низко вырублена дверь — так тепло в старину берегли. А уж коли прошёл в избу, во весь рост распрямляйся!

Жилая изба занимала лишь самую малую долю от всего дома, а всё остальное двор. Это о таких домах писал в своей повести «Деревянные кони» Фёдор Абрамов: «Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нём было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них ещё сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да поветь саженой семь в длину — на неё, бывало, заезжали на паре, — да внизу, под поветью, двор с разными стайками и хлевами...»

У многих домов со временем первые венцы на землю легли — даже камень, что служил опорой срубам, с годами в землю вдавило. Большинство изб, как и в добрую старину, без палисада стоят, ну а если и есть забор, то чисто символический, что говорится «от ненужных хлопот», чтоб, к примеру, коровы на усадьбу не забрели.

Один из самых старых домов Верколы

Заприметил я в Верколе ещё одну особенку — палочки-приставки. Приставит хозяин такую палочку к входной двери — вот тебе и знак того, что дома нет никого. До сих пор многие избы тут ключа не знают!

До абрамовского дома от деревенской площади рукой подать — под горочку до самого угора.

Родительский дом Фёдора Александровича, в котором родился будущий писатель, так же стоял на угоре, совсем не далеко от теперешнего летнего домика писателя. Теперь давненько уж нет этого дома. Пустует усадьба. И лишь чудом сохранившиеся зимняя изба помнит тот родовой корень Фёдора Александровича. Не случайно тянулся к этому родному местечку писатель, всё присматривал да прилаживал, где ему свой собственный домишко поставить. Понятие «дом» не ограничивалось стенами домовой постройки. Это всё, что окружало эту небольшую писательскую усадьбу. Река Пинега, луга и поля и эта лиственница, что растёт на взгорье. Роман «Братья и сёстры» начинается именно с этой лиственницы.

Лиственнице этой годков под 140 будет. Много повидала на своём долгом веку эта лиственница, сколько холодных северных ветров выдюжила. Помнит она и детвору абрамовской поры, что споро забирались на её густую крону.

Абрамовский дом — крохотная изба в три оконца, продуваемая ветрами со всех сторон.

Когда-то на этом месте стоял старенький домишко. Теперь о том времени, что усадьба на себе не один век людскую жизнь «держала» напоминает старый, в тринадцать венцов рубленный амбарчик. Неказистый с виду, он, ладно сбитый, стоит на усадьбе словно страж времён. «В амбаре жизнь моих предков», — говаривал Федор Алексан-

Артемиево-Веркольский монастырь

дрович, глядя на амбарчик притулившийся в углу усадьбы, при этом отменяя все предложения о его сносе. А вот купленный усадебный дом с самого корня перебрал. На усадьбе баню построил. В «лапу» срубили. «Моя баня светит как солнышко», — любил говорить гостям Фёдор Александрович. Впрочем, она и сегодня, спустя не одно десятилетие со дня своей постройки, крепко держит на своём бревне солнечный свет. Даже в пасмурный день стены баньки золотом отдают, словно расцеловало их солнышко, приласкало тёплыми лучами.

Не велик абрамовский дом, но уютен. Терраса, превращённая в кухонку. Далее дверь в избу. Коридорчик — и вот она, комната. Здесь всё сохранено так, как и тогда, при жизни Фёдора Александровича. Пара кроватей, кресло и, конечно, стол. У левого угла от двери — печка-столбик. Даже абрамовский телевизор «Рекорд» сохранился. Фёдор Александрович был заядлым болельщиком.

Не просторна комната, а всё в ней было. Тут и отдыхали и встречали гостей, здесь беседовали за обеденным столом и конечно же эта комната служила и рабочим кабинетом Фёдора Александровича. Здесь создавались многие произведения последних лет. Рассказы, статьи, короткие рассказы из цикла «Трава-мурава». Тут писатель работал над главами романа «Дом» — последнего романа из тетралогии «Братья и сёстры»,

которому Абрамов отдал более двадцати лет своей жизни.

Символично, что роман «Дом» создавался именно в годы, когда Фёдор Александрович возводил своё собственное веркольское пристанище на высокой горе. «Волнами, пёстрыми табунами ходит разнотравье по лугу... а за лугом поля, Пинега, играющая

Усадьба Ф. Абрамова

мелкой серебристой рябью, а за Пинегой прибрежный песок — желтяк, белые развалины монастыря... и леса, леса — синие, бескрайние, до самого неба...» — так описывал Фёдор Александрович то, что окружало его усадьбу.

У дома клумбы, в которых в летнюю пору всегда растут любимые Фёдором Александровичем цветы космеи. У дома растут в ряд берёзы, осины. Фёдор Александрович видел их маленькими и всё сетовал на то, что уж больно медленно они растут. Теперь эти деревья давненько переросли и сам абрамовский дом.

Всё в Верколе связано с именем Фёдора Абрамова. Улицы Верколы, где так любил прохаживаться Фёдор Александрович, и окрест с полями и лугами, сосновые боры, что тянутся на многие вёрсты. И здание школы, выстроенное в далёком 1877 году Веркольским мужским монастырём Святого Артемия Праведного, где в начальной школе учился Фёдор Абрамов. Теперь здесь музей, посвящённый его жизненному и творческому пути.

Здесь, в Верколе, рождался замысел не только «Братьев и сестёр». Родом отсюда «Деревянные кони» и «Пелогоя», «Михей и Иринья» и «Материнское сердце». Здесь брались на карандаш судьбы многих земляков, чтобы потом воплотиться в литературных образах абрамовской прозы.

Но есть в Верколе ещё один дом, где особо чувствуется абрамовский дух. Это дом его старшего брата Михаила. Невысокий, с рублеными сенцами да небольшим, слегка осевшим в землю двором, стоит он по большаку, смотря своими тремя небольшими оконцами на деревенскую площадь, да боковыми «вогляд» на окружающую его усадьбу. Ког-

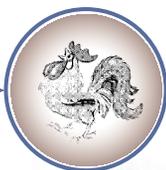

Амбарчик

да не было своего дома на угоре, Фёдор Александрович в дни своих приездов на родную сторонку подолгу останавливался в нём.

С узеньких сенцев, где лестница на высоком подъёме ведёт на вышку, переступаем порог горницы. Справа русская печь, на стене малой кухонки полки с нехитрой хозяйской утварью — плоски, выбранные из цельного куска дерева, скалка, да ещё кое-что необходимое в домашнем обиходе для хозяйки. На печи дремлет самовар, в покое керосиновая лампа, что когда-то была в избе на главном месте, берестяные туески-короба, несколько пар валенок да деревянная прялка. Слева от печи столик, отгороженный от горницы самодельным деревянным шкафом да шторкой. Примечательны на стенах фотографии людей близких этому дому, некогда живших в его стенах. Большие ретушированные портреты родителей, фотографии самого Фёдора Александровича. Деревянный самодельный стол, полкомодник. Всё просто и обыденно, без излишеств, что говорится «на жизнь». Чисто выкрашенные половые доски. Яркий свет из окон заполняет горницу с полна.

Похоронили Фёдора Александровича Абрамова здесь же в Верколе, на высоком угоре, у дома, откуда открывается просторный вид на окрестности деревни, на реку Пинегу, сосновый бор и возвышающийся за ним Артемиево-Веркольский монастырь.

Вечная путешественница

Капля жила в океане. Океан то волновался — тогда по нему ходили волны, то спокойно лежал, греясь на солнце.

В один жаркий день капля оторвалась от океана и полетела вверх.

Облако, куда она попала, было белым и пушистым. Оно плыло над лесами и полями. «Как красиво!» — восторгалась капля, смотря вниз.

Но однажды облако потемнело, раздался гром, ударила молния и пошёл дождь. Вместе с другими дождевыми каплями наша знакомая капля упала на землю.

Земля очень обрадовалась дождю. Ведь все растения — и деревья, и трава, и цветы — хотели пить. Нашу каплю выпил синий цветок на длинной тонкой ножке. Но осенью цветок завял, и капля снова поднялась вверх.

Обратно на землю капля вернулась уже снежинкой. Упала она на крышу деревенского дома.

Весной с крыши закапало, и капля упала в ручеёк, который унёс её в реку, а река — в море, из моря она попала опять в океан.

Там, в океане, наша капля рассказывала о своём путешествии другим каплям, а те рассказывали свои истории.

Настоящий мужчина

Сегодня, после затяжных дождей, наконец, выглядывает солнце. Толик выбегает на балкон, а вслед за ним семенит дед Матвей и бубнит на ходу:

— Рубашку-то надень! Второй день, как с постели поднялся. По уколам соскучился?

— Погоди, деда, — отмахивается внук, свешивается с балкона и замирает от восторга.

Вокруг бело-розовых островов цветущих яблонь бушует изумрудное море молодой листвы.

Когда их семья получила в этом микрорайоне квартиру, дома вокруг стояли на пустырях. Новосёлы ахали, вспоминали прежнее житьё, уютные скамейки под липами, ругали, как водится, домоуправление, беспомощно разводили руками и уныло разбредались по квартирам. Только дед Матвей не проронил ни слова. Зато на следующий день, на пустырь, где возвышалась их пятиэтажка, подкатила ма-

шина с саженцами. Рядом с шофёром сидел невозмутимый дед Матвей.

Толик тогда только собирался в школу. И, как умел, помогал довольным жильцам сажать деревья вместе с остальными ребятами. Сейчас он уже заканчивает третий класс. И яблони, ветви которых дотягиваются до самого балкона, должны бы в этом году плодоносить. Над ними жужжат пчёлы. Они перелетают с цветка на цветок и покачиваются на них золотистыми бликами.

— Толян, поздоровел? — кричат снизу пацаны. — Давай к нам! Игорь штуку одну придумал — закачаешься!

Мальчишка с сомнением смотрит вниз. К ребятам ой как хочется. А вот с Игорем встречаться нет никакого желания. Он уже второй год сидит в седьмом классе, а по уму, как говорит дед Матвей, в малолетках застрял. И ум у него очень недобрый. Взрослые ребята его постоянно пинают и гонят от себя за подличанье и трусость. Он всегда прячется, когда они во дворе появляются. И старается водиться с мелюзгой вроде Толика. Тут уж он верховодит.

— Давай сюда, не бойсь, не трону! — Игорь призывно машет каким-то пакетом, изредка поднося его к уху.

— Очень я тебя испугался, — бормочет под нос Толик, с любопытством поглядывая на пакет, догадываясь, что это та самая штука, от которой можно закачаться.

Игорь, конечно, мастак на всякие пакости, но выдумщик тот ещё.

— Хочешь во двор? — накидывает ему куртку на плечи дед Матвей. — А там Игорь может обидеть.

— Я сам кого хочешь обижу, — задевший дедовой пронизательностью, ворчит внук, — видали мы таких обидчиков.

— И я о том же. Тебе десятый, если память мне не изменяет. Значит, уже должен быть настоящим мужчиной.

Толик приготовился услышать, дескать, я, внучок, в твои годы... но традиционной фразы, к его удивлению, не последовало. Вместо этого дед легонько подталкивает его к двери:

— Погуляй с часок. Полезно.

Он спускается по лестнице и тормозит на всякий случай у подъезда. Ребята под яблоней окружили Игоря плотным кругом. Тот подносит кому-то из них этот таинственный пакет к уху. Что же там за музыка такая? Толик не спеша подходит

к ребятам, Игорь моментально поворачивается к нему и машет призывно рукой:

— Не дрейфь, канай ближе...

Детвора расступается. Игорь без лишних слов протягивает пакет ему к уху и глумливо произносит:

— Продолжаем концерт по заявкам. Песня народная, блатная-хороводная!

Что это? Толик прислушивается... очень знакомые и тёплые звуки. Он только что их слышал дома. Губы у него складываются в невольную улыбку. Это же пчёлы! Как он сразу не догадался? Те самые, которые перелетают с цветка на цветок прямо у них на балконе. И эту красоту засунуть в грязный, душный пакет! Устроить аттракцион из живых и тёплых существ!

Внезапно жужжание стихает.

— Не гуляется им в темноте? — раздаётся деловитый говорок Игоря. — Сейчас добавим подружку, веселее будет!

Развалистой походочкой, явно подражая шпане постарше, он косолапит к дереву, щелчком сбивает с цветка пчелу, поднимает и ловко суёт в пакет. Пчёлы опять оживают, но на этот раз совсем ненадолго.

— Черти полосатые, сейчас вы у меня попляшете... — Он достаёт из кармана спички...

Чирк, чирк...

И пакет начинает дымиться! Испуганные ребята переглядываются, ища защиты от этого ужаса неизвестно у кого.

— Нет! — кричит Толик, выхватывает у приплясывающего от возбуждения Игоря пакет и бежит прочь, не обращая внимания на болезненное жжение в руках.

— Стой! Убью-у... — улюлюкая, бросается в погоню тот.

Остальные кидаются за ними следом.

Но мальчишка летит во все лопатки, на ходу пытаясь разорвать бумагу, запинаясь о бугорок и... с размаху шлёпается на землю, успев прикрыть драгоценную ношу своим телом.

К нему подлетает Игорь:

— Вот сейчас ты у меня получишь по полной! Гони игрушку!

— Не дам, не дам! — Толик беспомощно машет в воздухе ногами, отбиваясь от Игоря.

Тот пинком переворачивает его, нагибается и... получает чувствительный удар в поясницу. Морщась от боли, он недоумённо оборачивается и видит ребят, на лицах которых нет и тени прежнего страха перед ним. В руках почти у каждого по булыжнику. Шпанёнок понимает: ещё мгновение — и в не привычной для него роли жертвы окажется он сам. Жалко улыбаясь и пятясь, он униженно бормочет:

— Чё вы, пацаны, чё вы... мы ж свои... я для вас же... я пошутить хотел... — Опрокидываясь на землю, он выворачивается и, в ужасе ожидая удара в спину, спотыкаясь, бежит к дому.

И ни один камень не летит ему вслед.

Толик сидит на земле и раздирает кулёк.

Пчёлы неуверенно выползают на волю, натываются на его пальцы, но не жалят, будто понимают, кому обязаны своим спасением. Толик улыбается, а они щурятся от яркого после пакетной тьмы света, расправляют крылья, солнечными лучиками взлетают на цветы и застывают на них золотистыми бликами.

Дед Матвей глядит на всё это с балкона и одобрительно произносит:

— Только так, внучок, мужиками и становятся...

Экспедиция

Фото автора

...В эту экспедицию мы с сыном надеялись добраться до самого знаменитого Вишерского «холма» — Мунин-Тумпа. Сказочная живопись гор Северного Урала, которая открывалась взору сквозь дымку испарений, интересовала нас далеко не в первую очередь. Цель наших странствий — изучение населения птиц.

Хребет Пут-Тумп раскинулся гигантской подковой. С восточной стороны его склоны упираются в долину уже набирающей силу реки Вёлс, а западная сторона спускается к болоту, где берёт начало знакомая нам р. Большая Мойва. И Вёлс, и Мойва впадают в Вишеру. Причём оба водных потока, встречаясь с главной рекой, мало чем уступают ей в размерах. Мойва течёт в необычном для бассейна Волги направлении — на Север. Дорогу на Юг река перегораживает хребет Тулымский камень. Лишь обогнув хребет лошади (Лув-Нёр) — таково мансийское название этого высочайшего в Пермском крае горного массива, — Мойва начинает поворот к югу и сразу же встречается с Вишерой. Вёлс же течёт самостоятельно ещё добрых сто километров. Он набирает мощь, шумит на перекатах. А какими красками играет Парма по его берегам!

Ландшафты хребта Пут-Тумп оказались довольно разнообразны. Мы прошли только западную часть его подковы, при этом пересекали мрачноватые еловые редколесья, где почти не встречались птицы, и нагромождения валунов, и каменистую тундру.

После второй ночёвки на склоне Пут-Тумпа мы распростились с этим хребтом и вышли на знакомое место, обозначенное на карте как «Чум Бахтиярова».

В этом месте обширное болото, питающее истоки Вёлса и Большой Мойвы, переходит в парковое редколесье подножия хребта Ольховочный. Птиц здесь было много. Очередная пара чернозобых дроздов кормила своих отпрысков муравьями-древоточцами. Прямо возле тропы в объектив попала овсянка-крошка. Промелькнули и самые солидные вьюрки — щуры.

После трёхсуточного крюка через Пут-Тумп стоянка на «чуме» воспринималась как родное, уютное место. Мы жарили на сковородке соевое «мясо» с приправами, принимали ванну в ледяном ручье. Когда-то геологи специально для купания выбрали лишние камни в здешнем водотоке. После долгих истязаний тела мошкой, обработка холодом воспринималась как благо.

к Муниин-Тумпу

Василий
Колбин

ФРАГМЕНТЫ ОЧЕРКА

В горах человек чувствует себя особенно незащищенным перед грозой. Понятно, что если стоять на вершине, то заполучить разряд молнии можно очень легко. Когда же мы спрятались под тентом среди валунов, то возникло почти детское чувство, что всё — «мы в домике». Мы стали такими же, как тысячи камней, слагающих хребет, и грозные боги — властители здешних гор и стихий не видят нас.

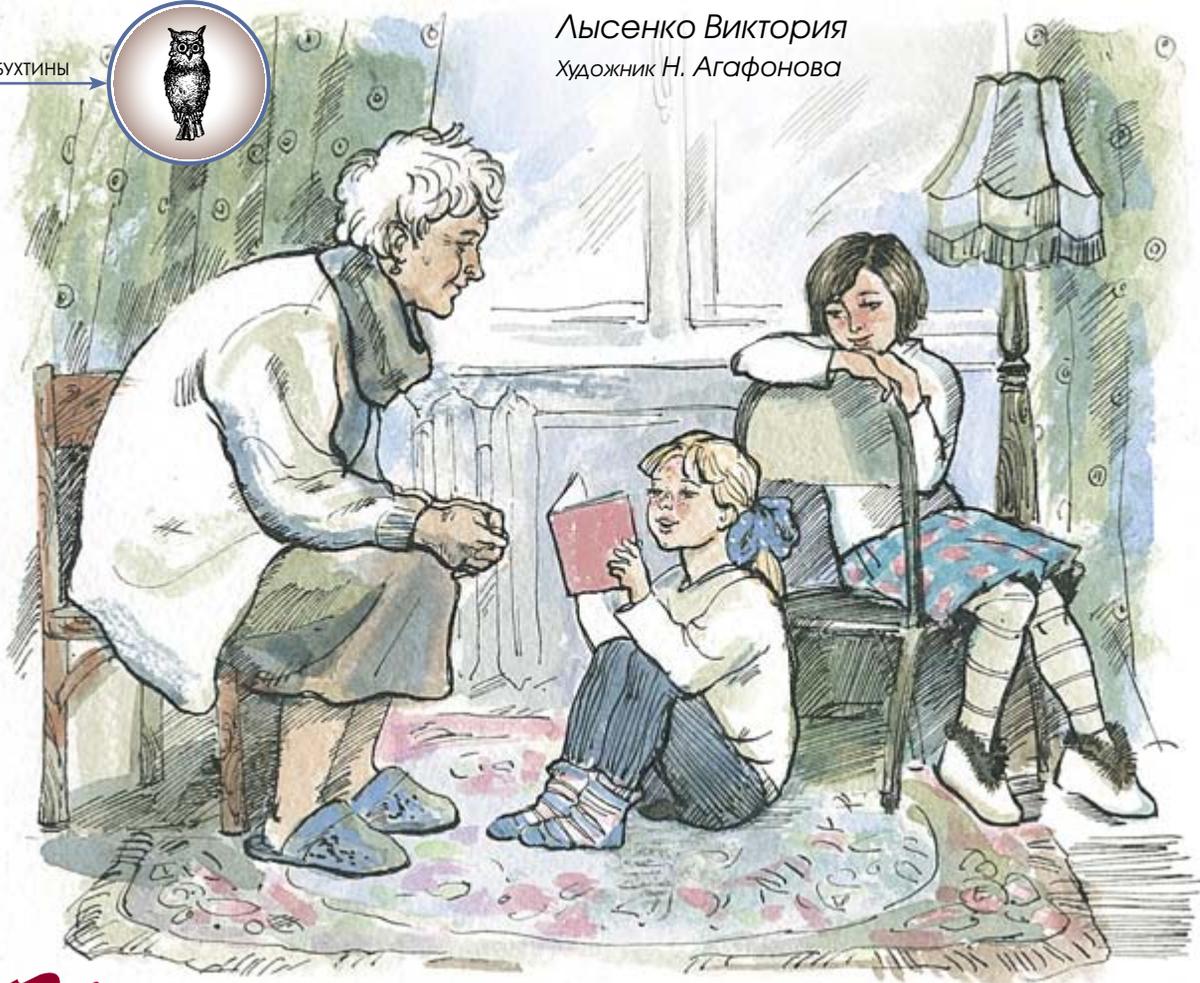
Градины и дождевые капли стучат по ткани тента. Молнии прорезают свинцовое небо. Но вскоре всё стихает, остаётся только мелкий дождь... Ходить по мокрым валунам тяжело и опасно. Но у нас нет другого выхода. Остаётся утешать себя тем, что не стало мошки. Мы идём по плоскому верху хребта Ольховочный. Постепенно дождь прекращается, и ветер сушит камни и наши рюкзаки.

Закат застал нас на перевале через отрог хребта Ишерим к ключу Светлый. Уходящее солнце окрасило тучи алым и образовало фантастические огненные ворота. Но ветер быстро разрушает этот замок Фата-морганы. Мы же стремимся под сень кедра на Светлом ручье, который уже не раз давал нам приют.

Пять километров подъёма к цели нашего путешествия оказались не лёгкими. Заруб-

ки быстро потерялись, и пришлось двигаться по компасу. Но поскольку двигаться нужно было строго на север, мы несколько не отклонились от курса. Вскоре впереди замаячили каменные останцы, и стало ясно, что и без тропы мы вышли прямо куда нужно — к «чумному месту». Название этого места образовалось от слова чум (а не чума). Только здесь каким-то чудом сохраняется небольшой водоём. Живописные останцы заслоняют от ветра. Скалы в виде столбов около 10 м высотой местами были покрыты желтоватыми лишайниками и поэтому казались похожими на огромные ломти сыра. В разгар экспедиции о таких продуктах приходится только мечтать — вот и приходят на ум странные сравнения.

На следующий день мы отправились на вершину. Разнообразие каменных изваяний многие тысячелетия стоящих здесь под солнцем, дождем и ветром едва ли можно описать. На одной скале обнаружили деревянные руины триангуляционного пункта. Снимая величественные останцы, невольно впадаешь в иллюзию, что фотографии смогут передать те невероятные ощущения, которые охватывают человека в этой горной стране...

Прикольный анекдот

Надежда Борисовна жила с мужем за городом в просторной трёхкомнатной квартире на третьем этаже шестиэтажного кирпичного дома. Сын с женой и трёхлетними дочками-двойняшками, Ладой и Олей, часто приезжали к ней на выходные дни.

После обеда дедушка и бабушка обычно шли гулять с внуками в детский скверик — он находился через два дома. Там были небольшие аттракционы — карусели, которые нужно было крутить вручную, качели, горки, лесенки, турники.

В субботу семья сына в полном составе вновь приехала навестить бабушку и дедушку.

В тот вечер девочки после ужина отправились в свою комнату спать, а Надежда Борисовна ещё долго не могла заснуть.

Внучки не были похожи друг на друга ни внешне, ни по характеру. Когда к ним на Новый год впервые пришёл Дед Мороз, Лада испугалась, а Оля — обрадовалась. Лада очень любила животных, не боялась

даже крупных собак, а Оля предпочитала держаться от них подальше. Девочки весёлые, но чувство юмора пока у них никак не проявляется. Может быть, ещё рано? Интересно, само ли оно возникает или этому можно научить? Во всяком случае, можно попробовать.

Надежда Борисовна вспомнила, что слышала по радио в рекламной передаче анекдот, который легко можно было переделать для детей. Пожалуй, стоит им его рассказать.

На следующий день она пошла гулять с внуками в лесопарк, который начинался сразу за их посёлком, и во время прогулки спросила, не хотят ли они послушать анекдот.

- Бабушка, а что такое анекдот?
- Маленькая смешная история.
- Расскажи.

В изложении Надежды Борисовны анекдот звучал так:

— Знаете ли вы, что означает скелет в шкафу?

— Нет, не знаем. А что он означает?
— Это мальчик играл с друзьями в прятки... и выиграл.

— Ну и что тут смешного?

— Мальчик спрятался в шкафу, его долго искали, а он вместо того, чтобы отозваться, сидел там до тех пор, пока не превратился в скелет.

— Глупый мальчик?

— Конечно, глупый! Выигрыш не стоил того результата, который получился.

— Всё равно, мальчика жалко!

— Жалко было бы настоящего мальчика, а это — мальчик, придуманный специально, чтобы дети не поступали так нелепо. Давайте вы заучите этот анекдот, и Оля расскажет его маме, а Лада — папе.

— Мама спросит, и кто тебя научил этим глупостям, — предположила Оля.

— И папа спросит, — поддержала Лада.

— Не спросят, — успокоила бабушка.

— А что они сделают?

— Увидим. Теперь попробуйте повторить анекдот. Оля, начинай.

— Мальчик играл с друзьями в прятки и залез в шкаф.

— Нет, Оленька. Так анекдоты не рассказывают. Это всё подразумевается. Надо выучить так, как я вам рассказала в самом начале.

Девочки заучили анекдот, и все вернулись домой. Мама встречала детей в прихожей. Лада сразу побежала к папе в комнату. Оля тут же рассказала анекдот маме.

Мама смеялась, схватившись за живот и опустившись на скамеечку.

— Прикольно, — сказала она.

Из комнаты донёсся и папин смех. И тогда засмеялись и дети. Они прыгали и повторяли за мамой: «Прикольно, прикольно».

Они заливались смехом не только потому, что до них дошёл смысл анекдота. Надежде Борисовне показалось, что в этот момент они поняли, или, скорее, своим детским восприятием почувствовали, уловили суть и природу смешного, и она была уверена, что каким-то загадочным образом именно отклик родителей способствовал этому.

Прошло несколько лет. Лада и Оля пошли в первый класс. В конце сентября в очередной приезд к бабушке они попросили найти для них детские частушки. Им дали такое задание — принести частушки в школу. Девочки пошли гулять в сквер (теперь они гуляли уже самостоя-

тельно), а Надежде Борисовне стала думать, как найти частушки. Искать в Интернете не хотелось. Там любой сможет их найти, и получится, что многие принесут одно и то же, а это неинтересно. Больше искать было негде, но одну частушку она знала:

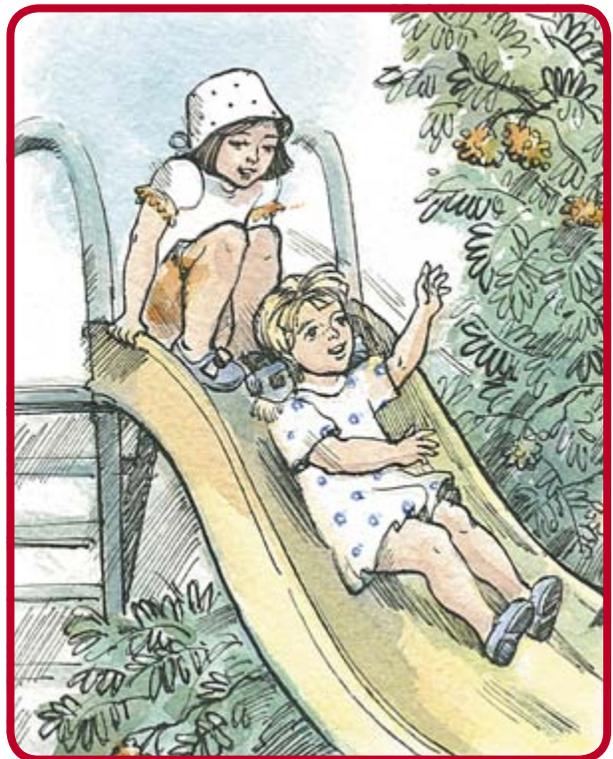
*На качелях я качалась,
И верёвка порвалась,
Я с милёнком поругалась,
И с подружкой подралась.*

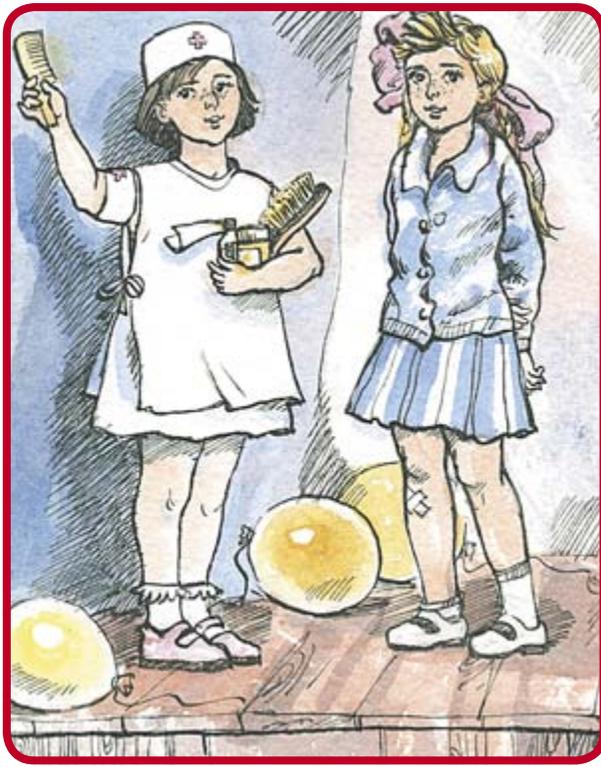
Такую частушку предлагать для школы было как-то неудобно. Детям она не слишком-то подходила. Пришлось её немного переделать и дописать несколько куплетов. Получилось вот что:

*Опоздала на уроки,
Не успела я на них,
Ведь случилась по дороге
Цепь событий роковых:*

*На качелях я качалась,
И верёвка порвалась,
Я с подружкой поругалась,
А с мальчишкой подралась.*

*Синяки на лбу остались
И косички растрепались.
На носу — царапина,
На коленке — ссадина.*

*Кофта с юбкой загнулись,
И ботинки развалились.
Буду долго я потом
Этот вспоминать облом.*

После прогулки Надежда Борисовна прочитала внучкам частушки.

— Прикольно, — похвалили девочки.

Дедушка спросил, как они погуляли, что делали в сквере.

— Мы играли и катались на слонах.

— На каких слонах?

— А их сегодня из зоопарка для детей привезли.

— Как же вы на них забирались?

— К ним сбоку придвигали специальные стремянки. Они смиренно стояли, пока мы на них усаживались.

— Надя, пойдём скорее в сквер, посмотрим, что за слоны.

— Дедушка, ну какой ты смешной. Откуда могут взяться слоны в нашем посёлке? Мы катались на карусельных слонах.

— Вот уж действительно прикольно, — с улыбкой произнёс дедушка.

После обеда девочки стали просматривать книги на книжных полках и нашли тоненькую книжечку анекдотов. Читали они в то время плохо: медленно, по слогам, путаясь и ошибаясь. Внучки убежали с книжкой в свою комнату и закрыли за собой дверь. Вскоре из комнаты донёлся их оглушительный хохот. Надежда Борисовна зашла к ним.

— Бабушка, послушай, что здесь написано: «Василий Иванович, а твои носки воняют сильнее моих».

— Так ведь я и постарше тебя буду, Петька».

Дальше Лада и Оля читали книжку без малейшей запинки.

На новогоднем школьном концерте внучки выступали с прикольной частушкой.

В зрительном зале рядом с родителями сидела Надежда Борисовна. Как же она удивилась виду, в котором внучки появились на сцене!

Оля была одета в костюм санитарки, в марлевой шапочке, на рукаве — белая повязка с красным крестом. В руках у неё были пузырьки с лекарствами, расчёска и щётка.

Лада была загримирована под девочку-сорванца, с нарисованными «боевыми ранами» и разлохмаченной причёской, что, впрочем, её ничуть не портило, а, напротив, даже шло ей.

Первые два куплета пела Лада, как бы оправдываясь и рассказывая сестре о приключившихся с ней несчастьях. Следующие куплеты спела Оля, заменив в своих словах местоимение «я» на «ты». Во время пения она смазывала Ладе болячки, чистила одежду, причёсывала волосы. Но на этом частушка не закончилась. Продолжила снова Лада:

*Не могу я веселиться,
Есть причины горевать.
Подскажи, моя сестрица,
Как всё нужно исправлять.*

Оля отвечала:

*Ты с подружкой не ругайся,
А с мальчишкой не дерись,
Больше спортом занимайся
И старательней учись.*

Последние четверостишия они сочинили сами. Заканчивалось выступление русской чечёткой.

Это был успех. Девочки ушли со сцены, однако аплодисменты не стихали, и им пришлось ещё раз выйти на поклон, как настоящим артисткам. Они посмотрели на родителей и бабушку и помахали им.

А бабушка хлопала в ладоши вместе со всеми, улыбалась и почему-то платочком вытирала глаза.

Павел Гусев

Художник Г. Лопачёва

КА- БАН- ЧИК

Маленький кабанчик забрел на погран-заставу и остался там, довольный, что его прикармливают. Кабанчика назвали Борькой. Он очень привязался к сержанту, который чаще всех навещал его. И когда он долго не приходил, Борька, хрюкая, шёл искать его. Где бы ни был сержант, он его находил и получал кусочек сахара. Борька увязывался за сержантом, когда тот шёл на проверку границы. Его гнали прочь, но безрезультатно. Борька стал хитрить. Переждав немного, он шёл следом, на расстоянии, тихо, незамеченным, а возвращался на заставу уже вместе с сержантом, с разбитыми в кровь лапами. Решили Борьку закрыть в загоне, чтоб никуда не убежал. В ночь сержант получил задание охранять участок границы. Путь его лежал мимо загона, где сидел Борька. Сержант позвал Борьку и протянул кусочек сахара, но он лежал, не шевелясь, и не поднимал головы. Оставив сахар, сержант с напарником, солдатом, пошли на расположение службы. Пришли на место, тихо залегли неподалеку от узкой тропинки над оврагом. Ночь была темная, даже кусты вблизи скрылись во тьме. Слышно было только пенье цикад, да изредка

раздавался вой шакала. И вдруг что-то тёплое уткнулось в нос сержанту и радостно хрюкнуло. Это был Борька.

— Тихо! — прошептал сержант.

Борька лёг рядом и замолк.

Где-то треснула ветка, кто-то осторожно шёл со стороны границы. Сержант с напарником тихо разошлись по сторонам.

Захват нарушителя был быстрым. Он не успел применить оружия и сдался без сопротивления.

Но тут, громко визжа, так, что по всему оврагу раздалось громкое поросячье эхо, в кусты бросился Борька.

Там был второй диверсант. Он от неожиданного поросячьего визга сорвался в овраг и, падая, выронил пистолет. Задержали и его. Это был двухметровый верзила.

Уже рассветало, когда наряд повёл задержанных на заставу.

Нарушители со связанными руками, с поникшими головами, шли и изредка оглядывались назад, на идущего за ними маленького пограничника Борьку.

На совещании пограничников всей заставы было решено: Борьку оставить на вечное довольствие.

Умная Тайга

Летний сезон закончился. В конце августа в город уехали те дачники, в семьях которых были школьники — впереди начало учебного года. Дачники-пенсионеры остались на своих участках.

Во второй половине сентября начались дожди, и пребывать на даче становилось скучно, да и сезонная работа закончилась.

Нина Ивановна и Валентин Дмитриевич тоже решили уехать. С упакованными вещами они неторопливо шли на автобусную остановку. Автобуса не было, и пожилые люди сели на скамейку и стали его ждать. Вдруг откуда-то появилась собака, породой похожая на лайку. Она стояла недалеко и виляла хвостом.

— Там в пакете есть немного колбасы и хлеба, — сказал Валентин Дмитриевич и открыл сумку. Собака как будто поняла, что ей что-то перепадёт, подошла ближе и внимательно смотрела на сумку. Получив еду, она отошла от остановки и стала закапывать куски в землю.

— Смотри, прячет про запас, — сказала Нина Ивановна. В это время подошёл автобус, и дачники уехали.

Через неделю Нина Ивановна и Валентин Дмитриевич опять приехали на дачу. Когда вышли из автобуса, увидели ту самую собаку. Собака встретила их как старых знакомых — радостно завилыла хвостом. Дачники пошли к своему участку, и собака шла за ними. Перед калиткой она остановилась, потом, повернувшись к дороге, легла, вытянув передние ноги, поглядывая то в одну, то в другую сторону. Весь её вид говорил, что она охраняет вход на участок. Хозяева дачи вынесли миску с едой. Собака с жадностью съела всё содержимое и вылезала миску. В течение двух дней, пока были на даче, Нина Ивановна кормила собаку, а та сторожила вход у калитки.

Когда дачники собрались уезжать, собака опять проводила их до остановки. И всякий раз, когда они приезжали, собака их встречала, получала свою порцию еды и сторожила участок.

Наступил день, когда Нина Ивановна и Валентин Дмитриевич приехали на дачу в последний раз — пришли холода, ночные заморозки, всё чаще дули сильные ветры. Проверив своё хозяйство, пройдя по участку, они закрыли калитку на замок, помахали своему дому: «До весны!» — и пошли к автобусной остановке. Собака провожала их, но в этот раз вела себя как-то беспокойно. Она шла то рядом с Валентином Дмитриевичем, то переходила к Нине Ивановне.

Пока ждали автобус, собака не легла у их ног, как в прежние дни, а стояла и смотрела на них, в глазах была тихая печаль.

— Не могу вынести этот взгляд, — сказала Нина Ивановна.

В это время подошёл автобус. Дачники вошли в него, оглянулись. Собака стояла перед дверью и с тоской смотрела на них.

— Ну, поехали с нами, — позвал Валентин Дмитриевич. Собака поняла его слова и тут же впрыгнула в автобус.

— Будет жить во дворе, будем кормить, — сказал Валентин Дмитриевич, и Нина Ивановна охотно кивнула ему в знак согласия.

Прошло несколько дней. Холода усиливались, порывистые ветры пронизывали насквозь.

— Холодно теперь будет собаке, — как-то вечером сказал Валентин Дмитриевич. Впустить в квартиру они не могли — у них жили два кота. Договорившись с соседями, они выпустили собаку в общую прихожую. Собака вела себя очень деликатно — не сходила со своего места, разве только, чтобы поесть, да ещё когда хозяева выходили из своей квартиры. Тогда она вскакивала и весело виляла хвостом. Когда открывалась дверь квартиры, она заглядывала в коридор, но входить не решалась.

Однажды Нина Ивановна предложила:

— Попробуемпустить её, может, коты уживутся с ней.

Впустили.

— Надо бы помыть ей лапы и расчесать, — предложил Валентин Дмитриевич — собака была вся в репьях.

— Ну и шерсть у тебя, — сказал Валентин Дмитриевич, когда провёл гребёнкой по ней, — всё спутано, прямо тайга!

Так и привязалось это необычайное для собаки имя — Тайга.

Тайга оказалась очень умной собакой. Котов не трогала, только взглядом следила за ними, как будто понимала, хозяева здесь — они. Коты тоже спокойно относи-

лись к собаке, будто понимали, что она не претендует на первенство в этом доме.

Прошло несколько лет. Однажды к ним в гости приехала семья сына с маленьким ребёнком. Ребёнок спал в коляске. Корзину отстегнули от остова коляски и поставили в спальне на кровать. Дедушка с бабушкой вместе с родителями окружили корзину, рассматривая малыша. Тайга тихо зашла в комнату и подошла к кровати.

— Нельзя подходить, место, — погрозила Нина Ивановна, указав на дверь. Тайга послушно выбежала из комнаты. За весь день она не сходила со своей подстилки.

Через несколько дней Нина Ивановна пошла на рынок. Тайга, как обычно, сопровождала её. Купив продукты, направились к выходу. Проходя мимо палатки, Нина Ивановна решила купить ещё что-то. Остановилась.

— Давай-ка встанем в очередь, — сказала она Тайге. Собака села рядом. Вдруг она сорвалась с места и побежала к выходу.

— Тайга, ко мне! — крикнула Нина Ивановна, боясь, что собака выскочит на проезжую часть дороги. Тайга добежала до ворот и присела, повернувшись к очереди. Хозяйка махала ей рукой, приказывая подойти, звала, но собака не двигалась с места. Тогда Нина Ивановна подошла к ней и стала тянуть за ошейник. Тайга не сходила с места.

— Ну, сиди, моя очередь подходит, — сказала Нина Ивановна и направились к палатке. И что она увидела! За ней в очереди стояла женщина с коляской. Коляска была такого же цвета, как у её внука! «Так вот почему Тайга так внезапно сорвалась с места и убежала. Она запомнила, что ей нельзя подходить к коляске!» — удивилась Нина Ивановна. Придя домой, она рассказала эту историю Валентину Дмитриевичу.

— До чего же умная наша Тайга! — возторгалась она.

— Удивительная собака, — согласился Валентин Дмитриевич, — с ужасом думаю, что бы с ней было, если бы тогда мы не взяли её с собой.

Тайга будто поняла, что разговор идёт о ней, подошла к Валентину Дмитриевичу и, глядя в его лицо, положила голову ему на колени.

О конкурсе «Слободская летопись»

В 2013 году Александровский кремль — древнейшая резиденция русских правителей, опричная столица России, отметил свой 500-летний юбилей. В этот особенный год музей-заповедник «Александровская слобода» пригласил юных поэтов и писателей принять участие в литературном конкурсе «Слободская летопись». Работы можно было представить в следующих жанрах: стихи, эссе, записки иностранного посла, письмо из прошлого, былина, летопись.

В жюри конкурса вошли сотрудники музея-заповедника «Александровская слобода» и Член союза писателей России, лауреат Международного конкурса имени Сергея Михалкова Геннадий Анатольевич Киселев.

Также состоялся художественный конкурс «Александровский кремль — глазами детей».

В следующем номере «Детской Роман-газеты» — продолжение работ конкурса.

Севостьянов Максим

МБОУ гимназия № 2, 9 класс

Учитель Смирнова И. В.

Песнь про царя Ивана Грозного и холопа его Никитушку

Было это давным-давно,
Пять столетий тому уж минуло,
Как в слободке да Александровой
Чудо чудное да случилось.
У Никитки, холопа царского,
Да на сердце лежит дума тайная —
Полетать «аки птица» вольная,
Птица вольная белокрылая.
Смастерил холоп крылья птичьи,
Крылья птичьи, деревянные,
Да обмазал их воском ярким,
Обвалял в белых перьях легкиих,
Чтоб подобным быть ему Ангелу,
Ангелу да белокрылому.
Вот взошёл Никитушка на колокольню,
На колокольню да Распятскую
Да пред взором самого царя Грозного,
На глазах всего народа честного,
Полетел Никитушка на крыльях ангельских,
Крыльях ангельских да к речке Серой...
Подивился народ православный
Чуду чудному, небывалому.
Как увидел царь холопа парящего,
Так нахмурил он брови чёрные,

Брови чёрные, брови грозные,
Стали злобными очи зоркие,
И о землю он стукнул палкою
И промолвил слово суровое:
«Не летать человеку, аки птица вольная,
Птица вольная да свободная...»
И велел срубить ему голову,
Бедну голову смерду дерзкому.
Ужаснулся народ православный,
Но перечить уж не осмелился.
И схватили холопа несчастного,
На колени пред Грозным поставили,
И срубили головушку бедную,
Покатилась она на травушку,
Да на травушку на шёлковую.
Люди добрые испугались,
Испугались, содрогнулись...
Но честна душа смерда глупого,
Смерда глупого, неразумного,
Полетела в Царствие Божие
Да на белых крыльях на ангельских.
Ой, ты гой еси, Иван Васильевич,
Загубил жизнь холопа храброго,
Ну а душеньку не сгубить тебе.

Голованова Анастасия

СОШ № 14 8В класса

Учитель Лебедева Л. Н.

Ода Александровской слободе

О ты, Василия творенье
И лучших зодчих мастеров!
Ты родилась на удивленье
Вельмож заморских и послов.
К тебе в тяжёлую годину
Бежали русские цари.
Но, годы смуты отодвинув,
Как видно, Бог тебя хранит.
Цари, царицы ведь недаром
Здесь жили в древние года.
Опричнина самим Иваном
Тут, в этих стенах, рождена.
Всё пережить им довелось:
Забвеньё, слёзы и любовь.
Но купола свой свет разносят,
Горя на солнце вновь и вновь.
Люблю тебя я, мой апостол,
За песнь твоих колоколов.
Их сладкий звон многоголосый
Идёт из глубины веков.
То слобода от наших предков
Передаёт для нас привет.
Кто мы? Какие на поверку?
Даёт нам правильный ответ.
Жемчужиной моей России
Сияй же ныне, слобода.
Чтоб в сердце веру мы носили,
Чтоб были вместе мы всегда!

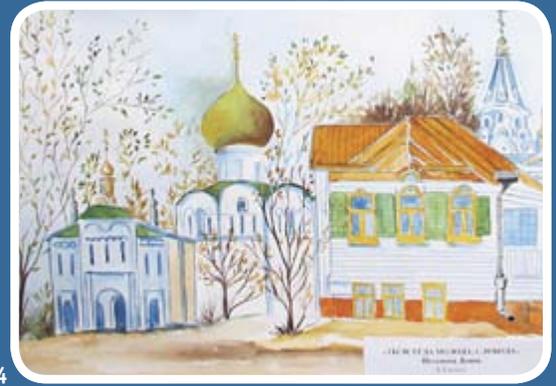

НАШ ВЕРНИСАЖ

1

1. Кирова Ирина, 15 лет. «Секретное донесение»
2. Забашкина Ксения, 15 лет. «Ярмарка невест»
3. Опарина Настя, 8 лет. «Троицкий собор»
4. Потанина Диана, 12 лет. «Ты всегда молода, Слобода»
5. Серебрянская Дарья, 13 лет. «Угловая башня»
6. Беглова Настя, 6 лет. «Мой город»

4

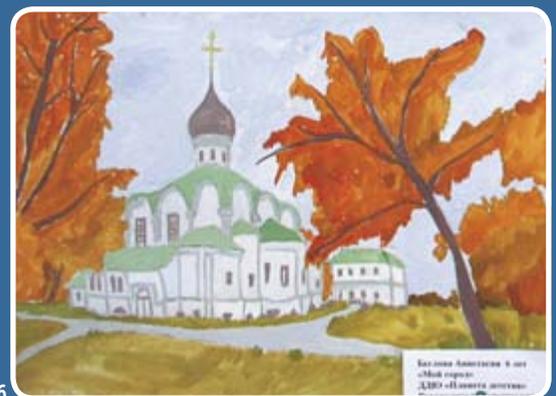
2

5

5

6

РОМАН-ГАЗЕТА етская

2014 (175)

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Умная Тайга

Кругом рождественская мгла.
Во мгле гудят колокола,
И с ними в лад Слова звучат:
«Мир на земле и счастья всем!»
Я чувствовал, как в этот день,

Жизнь городов и деревень
Объединив, звучит призыв:
«Мир на земле и счастья всем!»

Г. Лонгфелло

Серафима Селиванова, 6 лет. Рождественская ночь

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Вечная путешественница

РАССКАЗЫ:
Кабанчик

БУХТИНЫ:
Прикольный анекдот